

Научная статья
УДК 327.8:291.355(470+519.5)
DOI 10.18101/2949-1657-2025-4-33-39

Транснациональные религиозные сети буддизма в России и Южной Корее: сравнительный анализ

© Бритова Виктория Римовна
кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а
mengly@mail.ru

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ транснациональных религиозных сетей буддизма в России и Южной Корее на примере буддийских религиозных обществ и общин, не являющихся традиционными для этих стран. Выявлено, что в России развиваются буддийские общества, распространяющие «западные» интерпретации буддизма, отличающиеся активной цифровой деятельностью. В сравнении с этим в Южной Корее развиваются национальные буддийские общины, основанные представителями стран Юго-Восточной Азии. Помимо религиозных функций они также занимаются социальным обеспечением соотечественников.

Ключевые слова: российский буддизм, нетрадиционный буддизм, корейский буддизм, национальная община, Россия, Южная Корея.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии» (№ 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>).

Для цитирования

Бритова В. Р. Транснациональные религиозные сети буддизма в России и Южной Корее: сравнительный анализ // Восточный вектор: история, общество, государство. 2025. Вып. 4. С. 33–39.

Постсекулярность можно назвать одним из последствий модернизации современного общества, по мере развития технологий все большее количество населения испытывает кризис упадка веры. Эта тенденция является общемировой и наблюдается практически во всех развитых государствах. Однако, несмотря на вызовы современности, многие религиозно-духовные течения в процессе адаптации к текущим условиям помимо традиционных методов используют методы из сферы цифровых технологий, а также ресурсы социальных сетей для удержания своих позиций и привлечения как можно большего количества новых последователей. Таким образом, расширяются и укрепляются *транснациональные религиозные сети*, выходящие за пределы одной цивилизации или одного государства и формирующие духовные, нравственные и моральные черты общества в разных частях света.

Россия и Южная Корея являются странами, обладающими значительными расхождениями как в политическом, так и культурном плане ввиду разности ис-

торического процесса формирования государственности. Однако на современном этапе оба государства, являясь гетерогенными культурами с демократической формой управления, обладают общими чертами в социокультурном пространстве. Данная черта находит отражение в формировании и функционировании транснациональной буддийской сети. Вслед за Е. А. Островской, рассматривавшей традиционные религиозные идеологии России и Южной Кореи в сравнительном анализе новых форм институциональной активности буддийских организаций [2], мы рассмотрим новые элементы транснациональной религиозной сети буддизма в этих двух странах.

Буддизм — одна из главных мировых религий, оказавшая колоссальное религиозно-духовное, историческое и политическое влияние на формирование государств в Азии. Зародившись на севере Индии, буддизм попал в Китай, Корею, Японию и в страны Юго-Восточной Азии — Мьянма, Вьетнам, Таиланд. В дальнейшем традиция школы гелуг становится доминирующей в Тибете, Монголии, а также среди бурят и калмыков, вошедших в состав Российской государства. С XVIII в. буддизм получил статус официально признанной религии при императрице Елизавете Петровне. Как указывает Н. В. Цыремпилов, в середине XIX в. были приняты юридические положения по управлению буддийским духовенством [8, с. 85], то есть буддизм в Российской империи закрепляется на институциональном уровне в Бурятии и Калмыкии и в дальнейшем получает государственную поддержку вплоть до 1920–1930 гг. Пройдя сложные годы воинствующего атеизма, когда множество буддийских храмов было уничтожено, а духовенство подверглось репрессиям, с середины XX в. начинается политика смягчения властей, отдельные храмы получают разрешение на деятельность, а начиная с 1990-х гг. наступает этап возрождения буддизма в Бурятии, Забайкалье, Калмыкии и Туве [8].

В настоящее время, как указывает Е. А. Островская, буддизм России пользуется значительными привилегиями, закрепленными как исторически, так и институционально, являясь лидирующей религией в нескольких этнических регионах РФ [2, с. 124]. Вместе с тем она отмечает появление религиозных объединений, исповедующих не только тибетскую, но и иные социокультурные формы буддизма, заимствованные из стран Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии [2, с. 117]. Можно отметить относительную малочисленность последователей традиционного буддизма. Согласно опросу ВЦИОМ за июнь 2025 г., лишь 1% респондентов относит себя к буддизму¹.

По данным М. В. Монгуш, в настоящее время в России насчитывается около 200 независимых буддийских общин и организаций, принадлежащих к самым разнообразным школам и направлениям буддизма [1, с. 12]. Среди них выделяется «Международная ассоциация буддистов школы Карма Кагью», официально зарегистрированная в 1993 г. По данным на 2025 г., представленным на сайте «Буддизм алмазного пути. Традиция Карма Кагью», количество центров в городах России составляет 60, а численность последователей — около 6 тыс. человек,

¹ URL: <https://tass.ru/obschestvo/24174855> (accessed 10.10.2025).

центры преимущественно находятся в европейской части, но также есть центры в Сибири и Дальнем Востоке¹. Традиция Кармы Кагью уходит корнями в школу тибетского буддизма Кагью XI в., в ее основе — непосредственная передача знаний от учителя к ученику, практика йоги и медитации. Главой школы является Кармапа. Е. С. Сафонова отмечает, что в XII в. складывается институт кармап — великих учителей, которые после смерти вновь «переходят» в тела других людей, наделенных определенными качествами и соответствующей кармой [4, с. 164]. Также это течение буддизма иногда называют «черношапочным». В 1959 г. после конфликта с китайскими войсками Кармапа XVI Рангджунг Ригпе Дордже покинул Тибет и с 1970-х гг. на Западе открывает дхарма-центры и монастыри. Со временем данное направление становится популярным в странах Запада, а в 1990-х гг. появилось в России. М. С. Топчиев и Д. А. Черничкин отмечают, что центры Карма Кагью имеют ряд отличий от традиционных буддийских центров. Во-первых, в них преимущественно сохраняется светский образ жизни: посетители центров не являются буддийскими монахами; во-вторых, центрами медитации в Европе и на Западе руководят европейцы — ученики Кармапы XVI, и около 80% учителей имеют европейское происхождение [6, с. 192].

Духовным наставником и главным основателем буддийских центров является лама Оле Нидал, ученик Кармапы XVI. С его благословления он начал учить буддизму западных последователей и впоследствии направил свою деятельность на создание новых центров Кармы Кагью, а также на проведение лекций и мастер-классов по медитации. Оле Нидал регулярно посещает центры Карма Кагью, в том числе и в России. Однако его деятельность вызывает вопросы в связи с противоречивостью публичных высказываний, об этом рассказывает М. В. Монгуш в своей статье, посвященной традиционному и западному буддизму в России [1].

В России действуют и другие независимые гражданские организации, дополняющие буддийскую транснациональную сеть, такие как Дзогчен-община², Центр Тхеравада³, буддийская религиозная группа Римэ⁴, Джонанг⁵ и дзен-буддизм в лице школы корейского буддизма «Кван ум»⁶. К общим чертам данных центров можно отнести перенос буддизма в адаптированном виде из западных стран (Карма Кагью, Дзогчен-община), активную деятельность в цифровом пространстве, проведение онлайн-встреч и лекций, популяризацию учений Будды в соцсетях [3].

В Южной Корее сложилась немного иная картина, чем в России, что обусловлено историческими и политическими причинами. Корейский буддизм прошел долгий путь становления в период существования Трех государств — Когурё, Пэкче и Силла (IV–V вв.), достиг расцвета в эпоху Объединенного Силла

¹ URL: <https://www.buddhism.ru/o-nas/> (accessed 10.10.2025).

² URL: <https://rinchenling.ru/> (дата обращения: 10.10.2025). Текст: электронный.

³ URL: https://vk.com/theravada_ru (дата обращения: 10.10.2025). Текст: электронный.

⁴ URL: https://vk.com/@rime_online (дата обращения: 10.10.2025). Текст: электронный.

⁵ URL: <https://jonang.ru/> (дата обращения: 10.10.2025). Текст: электронный.

⁶ URL: <https://vk.com/kwanumzen> (дата обращения: 10.10.2025). Текст: электронный.

(VI–X вв.) и при династии Корё (XI–XIV вв.), а адаптировался к условиям господства конфуцианства в эпоху династии Чосон (Ли) (XV — начало XX в.). Изначально буддизм пришел в Корею из Китая. В 372 г. монах Сундо привозит в Когурё изображения Будды и свитки сутр. Когурёский ван Сосури姆, впечатленный рассказами о новой вере, издал указ о строительстве первых буддийских храмов в стране — Чомунса и Ибулланса¹. В последующие столетия в Корее параллельно развивались два основных течения буддизма: сон-буддизм (禪宗, 선불교, 선종) и кё-буддизм (敎宗, 교불교, 교종). Сон-буддизм — корейская версия течения чань-буддизма, его основополагающим тезисом является возможность достижения мгновенного просветления путем медитативных практик и ежедневного физического труда. В то время как кё-буддизм фокусировался на глубоком изучении буддийских религиозных текстов для достижения просветления. К 1424 г. количество монахов *сончжон* и *кечжон* было примерно одинаковым, около 2 000 человек. Однако к 1565 г. вследствие политики властей положение буддизма становится уязвимым настолько, что школы *кечжон* исчезают, а *сончжон* впоследствии дадут начало главному буддийскому ордену современной Кореи — Чоге (조계종)².

Министерство культуры, спорта и туризма Южной Кореи выделяет семь главных орденов: Чоге (대한불교조계종), Тхэго (한국불교태고종), Чхонхэ (대한불교천태종), Чингак (대한불교진각종), Кваным (대한불교관음종), Чончжи (불교총지종), Тэгак (대한불교대각종) и Ассоциацию буддийских общин Кореи (불교종단협의회) [10, с. 9–21]. В качестве приоритетных видов деятельности указывается сохранение наследия буддийской культуры, а также подготовка и обучение монахов. Е. А. Островская выделяет такие независимые религиозные организации, как Буддийская коалиция за экономическую справедливость (경제정의실천불교시민연합), Общество чистой земли (정토회), Буддийская солидарность за реформы [2, с. 124], выполняющие общественно значимые роли.

В Корею приезжает множество иностранцев, в том числе по правительенной программе, направленной на привлечение специалистов на рабочие профессии [5]. Большинство иммигрантов — выходцы из стран Юго-Восточной Азии и Центральной Азии. Мы хотим выделить буддийские организации, основанные мигрантами из Юго-Восточной Азии, и включить их в транснациональную религиозную сеть буддизма Кореи. С начала 1970-х гг. было зарегистрировано семь буддийских национальных общин, включая «Буддийское сообщество Мьянмы» (미얀마 공동체), «Ассоциацию буддийской культуры Шри-Ланки» (스리랑카

¹ URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0044495> (accessed 15.10.2025).

² URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0005574> (accessed 15.10.2025).

불교문화 협회), «Группу буддистов из Непала» (네팔불자모임), «Буддийский центр Камбоджи» (캄보디아 불교센터), тайский буддийский храм в Ансане. Также существовали Монгольская буддийская община и Вьетнамская буддийская община (제한베트남불교공동체). Как указывают Ким и Пак, почти все национальные общины были изначально созданы как центры помощи, образования и материальной поддержки для соотечественников, проживающих в Корее. Со временем они стали заниматься организацией и проведением буддийских служб, событий и фестивалей [9]. Большинство общин было создано при помощи главного буддийского ордена Кореи — Чоге, например «Ассоциация буддийской культуры Шри-Ланки». Другие общины, такие как крупнейшая из всех национальных общин «Вьетнамская буддийская община в Корее», занимаются культурным обменом с корейскими монастырями.

В 2006 г. орден Чоге основывает Совет помощи мигрантам — Maxa (마하이주민지원단체협의회) — для поддержки мигрантов и защиты их прав. С середины 2000-х гг. данная организация становится центральной для всех национальных общин Кореи, занимается не только правовыми вопросами, но и обучением корейскому языку, волонтерскими программами и созданием приютов для бездомных иностранцев [9, с. 6–7].

Таким образом, можно отметить, что корейская транснациональная религиозная сеть буддизма отличается от российской сети практическим отсутствием центров с так называемым «западным» буддизмом, а также выраженной социальной нагрузкой в качестве пунктов помощи мигрантам из Юго-Восточной Азии. Во многом из-за этого деятельность национальных буддийских общин в интернете оказывается ограниченной: сайтов этих общин на корейском языке было обнаружено крайне мало. Скорее всего, они существуют на национальном языке и не стремятся привлечь корейских последователей. Традиционные корейские организации активно помогают в создании и развитии национальных буддийских общин, но их финансовая поддержка ограничена из-за небольшого бюджета. Общей чертой можно назвать малочисленность последователей буддизма: в России это связано с историей расселения народов Бурятии, Калмыкии и Тувы, а в Корее — с длительным политическим притеснением буддизма во времена династии Чосон.

Проанализировав основные черты транснациональной религиозной сети буддизма в России и Южной Корее, отметим, что если в России постепенно развиваются организации, распространяющие «западные» интерпретации тибетского буддизма, то в Корее формируется сеть национальных буддийских общин, чья деятельность в основном направлена на выполнение социальных задач. Однако в обоих странах приветствуются разные типы буддийских сообществ как на государственном уровне, так и со стороны традиционных буддийских организаций. И общей проблемой является малочисленность буддийских верующих, однако эта причина универсальна для ряда стран в связи с постепенным снижением уровня религиозности по мере развития современного общества.

Литература

1. Монгуш М. В. Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. 2016. № 1. С. 5–19. Текст: непосредственный.
2. Островская Е. А. Традиционные религиозные идеологии России и Южной Кореи в сравнительной перспективе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV, № 4. С. 107–126. Текст: непосредственный.
3. Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б. Сетевые технологии как инструмент само-презентации малых религиозных групп (кейс новых для России направлений буддизма) // Вестник Института социологии. 2024. Т.15, № 3. С. 79–106. Текст: непосредственный.
4. Сафонова Е. С. Современный буддизм России на нетрадиционных территориях распространения // Государство, религия, церковь в России и зарубежом. 2006. № 1/2. С.160–172. Текст: непосредственный.
5. Солпина Н. Г., Фазлова Н. Р. Внутренние и внешние факторы миграции населения в Республике Корея // Известия Иркутского государственного университета. 2023. Т. 45. С. 111–126. Текст: непосредственный.
6. Топчиев М. С., Черничкин Д. А. Реальный и виртуальный буддизм на территории Юга России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–3(86). С. 191–195. Текст: непосредственный.
7. Уланов М. С. Буддийский фактор в транскультурном пространстве Юга России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 148–151. Текст: непосредственный.
8. Цыремпилов Н. В. Буддизм в России: прошлое и настоящее // Власть. 2013. № 4. С. 84–88. Текст: непосредственный.
9. Kim K., Park C. Migrant Buddhists and Korean “Multiculturalism” — A Brief Survey of the Issues Surrounding Support for South Korea’s Immigrant Buddhist Communities. *Religions*. 2020: 11.
10. 문화체육관광부. 2018년 한국의 종교 현황. 323페이지.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 10.12.2025.

Transnational Buddhist Religious Networks in Russia and South Korea: A Comparative Analysis

Viktoria R. Britova

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.

Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., 670000 Ulan-Ude, Russia
mengly@mail.ru

Abstract. The article attempts to conduct a comparative analysis of transnational Buddhist religious networks in Russia and South Korea, using Buddhist religious organizations and communities that are not considered traditional for these countries as case studies. We find that in Russia, Buddhist organizations promoting *Western* interpretations of Buddhism are developing and are also characterized by active digital engagement. By contrast, in South Korea, national Buddhist communities founded by representatives of Southeast Asian

countries are emerging; in addition to their religious functions, they also provide social support for their compatriots.

Keywords: Russian Buddhism, non-traditional Buddhism, Korean Buddhism, national community.

Acknowledgments

The article was carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant (traditional Buddhism, post-secularity and modern public and political processes in Russia and Mongolia, No. 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>).

For citation

Britova V. R. Transnational Buddhist Religious Networks in Russia and South Korea: A Comparative Analysis. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2025; 4: 33–39 (In Russ)

The article was submitted 01.12.2025; approved after review 09.12.2025; accepted for publication 10.12.2025.